

Игорь МАСЛЕННИКОВ:

Запах денег — он такой влекущий

Беседовала
Дина Радбель

Режиссер и сценарист Игорь Масленников родился в Горьком (ныне — Нижний Новгород). Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета, затем работал на телевидении. В 1967 году окончил Высшие режиссерские курсы при киностудии «Ленфильм». В кино режиссер дебютировал фильмом «Личная жизнь Кузьева Валентина». Огромную известность ему принесли фильмы «Приключения Шерлока Холмса» и «Зимняя вишня».

— Игорь Федорович, чем порадуете в ближайшее время?

— Решил на старости лет экранизировать Островского. Кто-то всю жизнь мечтает прикоснуться к Шекспиру, к Гамлету, а я вот, когда стал перечитывать великого драматурга, вдруг понял, что ничего современнее быть не может. Но я пошел на это не потому, что хочу делать злободневное кино, меня привлекает традиция, и здесь тот редкий случай, когда все совпадает — и традиция, и современность, да еще возможность познакомить народонаселение с феноменальным Островским, который знал про это народонаселение практически все. Жизнь России после отмены крепостного права, когда началась капитализация, изучена им вдоль и поперек. В советское время не очень понимали, что такое закладные или фальшивое банкротство, сейчас вдруг выясняется, что все это стало понятным. В 48 пьесах Островского — те же лица, те же страсти, что гуляют среди нас. Вглядываясь, вслушиваясь и учись на чужих ошибках.

— Вы делаете фильм по мотивам или по какой-то конкретной пьесе?

— Это будут три фильма под одним названием «Русские деньги». Первый фильм — по пьесе «Волки и овцы», он уже готов, премьера состоится 5 апреля в Доме кино. Дальше — очередь «Доходного места» и «Банкрота».

— Вас не смущает, что именно эти пьесы Остров-

ского «растасены» по театрам? Чем вы собираетесь взять публику?

— Я знаю, что Островского ставят чуть ли не в 15 театрах Москвы. Но у меня — кино. Это ничего общего с театром не имеет. По тексту «Волки и овцы» — пять актов, нам столько было не одолеть. Я сам написал киносценарий, чтобы уложиться по времени в час пятьдесят. Это была непростая задача: с одной стороны, сокращать легко то, что касается типичных театральных вещей, но чрезвычайно трудно сокращать текст. У Островского такая мощная драматургия, такие мощные характеры, так все переплетено в отличие от нынешней драматургии, разучившейся работать с характерами. А когда нет характеров, никакого кино не может быть! Меня радует, что фильм купил Первый канал, хотя, когда я предлагал этот проект года четыре назад всем центральным каналам не как телевизионный сериал, а как большое кино вроде «Шерлока Холмса», никто не отреагировал. Я тогда подумал, что, может быть, потому что не стреляют... У Островского вообще почти не стреляют, только если в «Бесприданнице» или в «Грозе»... Чем «выстрелю» я? Надеюсь привлечь названием «Русские деньги». Запах денег — он такой влекущий. А когда начнут смотреть, надеюсь, затают. Потому что начнется узнавание самих себя. Актеры у меня играют замечательно! И это «выстрелит». Они все у меня замечательные: Алла Демидова, Юрий Гальцев, Алексей Гуськов, Лидия Вележева, Зоя Буряк, Леонид Мозговой, Нина Ургант.

— В свое время вы побывали в Лондоне в музее Шерлока Холмса на Бейкер-стрит. А родина Островского для вас имела значение? Или время, атмосфера — условны?

— Между прочим, посетить Бейкер-стрит мне довелось уже после работы над «Холмсом», это было в конце восьмидесятых годов теперь уже прошлого века. Выглядела легендарная улица весьма неромантично: блочные пятиэтажки, неприглядные дворики. И все, чем был напичкан музей, как-то

не ассоциировалось с великим сыщиком. Я был, с одной стороны, огорчен, с другой — горд, что в нашем фильме вещи абсолютно соответствовали времени, стилизация получилась даже более выразительной, чем реальность. Зато гораздо большее впечатление произвел на меня лондонский паб под названием «Шерлок Холмс». Стены украшены интересными афишами, масса ярких фотографий, представляющих самые разные фильмы о Шерлоке.

«Русские деньги» — это точно по Островскому, и не только по тексту: все герои ходят в костюмах XIX века и говорят на языке того времени. К тому же мы два месяца снимали в усадьбе «Щельково» под Костромой. Это его дом-музей, и мы сидели в его кабинете, в том самом, где были, в частности, написаны «Волки и овцы»!

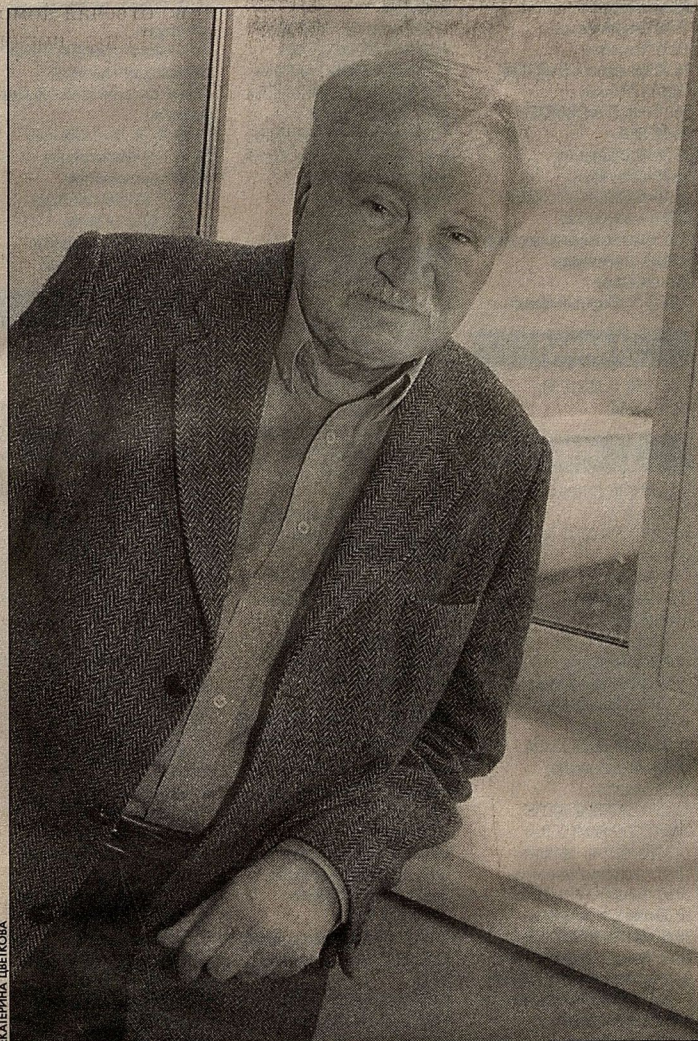
— Игорь Федорович, признайтесь, не робеете после той популярности, что была у «Зимней вишни» и «Холмса»?

— У большинства отечественных сериалов крайне незавидная судьба, потому что после показа они редко продвигаются дальше склада. И напрасно вы думаете, что у «Холмса» такая уж завидная судьба. Продукт получился только для внутреннего употребления. Когда говорили, что нашего «Холмса» знает весь мир, — это неправда. Его знали, ну, может быть, несколько стран соцлагеря и бывших советских республик. Только один фильм «Собака Баскервилей» добрался до Лондона и был показан один раз. Картина не повезло прежде всего из-за технических проблем. По советским правилам каждая серия должна была длиться больше часа, иначе фильм не считался полнометражным и имел совсем другие права, а во всем мире уже тогда существовал стандарт телевизионной серии в пятьдесят две минуты. И мне пришлось резать «Собаку Баскервилей» для показа по Би-би-си. Сейчас времена другие, но тоже со сложностями. Мы зависимы

от продюсеров, от рекламы, от всяких чудовищ... Но моя задача — сначала полностью сделать фильм, а уж потом им торговать. Хотя я прекрасно понимаю, что, несмотря на то что фильмов снимается все больше и больше, российский прокат переживает не лучшие времена — отечественные фильмы не так часто попадают на большой экран.

— Вот если бы вы взяли какого-нибудь молодого драматурга, был бы меньший риск...

— Не нашел ничего подходящего. Я работал в экспертном совете Службы кинематографии и честно прочитал 80 сценариев. Только где-то 7–8 вообще читать можно. Все темы страшные. Пишут безграмотно. Хотите типичный пример? Чечня. Село. На бэтэзере приезжают солдаты. Около школы мальчишки дразнят пьяных солдат. Несколько солдат пытаются догнать мальчишек, а те бегут в школу к учительнице. Вся драматургия построена на том, что солдаты на эту учительницу налетают, а мальчишки — наблюдают. Больше половины сценариев из 500, поданных на рассмотрение, — в том же духе. Начисто отсутствуют нравственные опоры. Морали никакой. Ни христианской, ни мусульманской. И за это берутся продюсеры. И на это пишутся заявки, чтобы получить государственные деньги... И деньги дают! Что происходит?! Я ничего не понимаю! Или другая крайность — уровень детской игры. Американцы уже от этого уходят, а мы наоборот. Они уже отказываются от клипового зрелища, которое ничем не отличается от того, чем занимаются дети, когда сидят перед компьютерами. Как этому можно противостоять? Вопреки всему — снимать Островского. Кто-то же еще не разучился читать и думать. И уж если быть до конца честным, я никогда не был поклонником детективной литературы и Конана Дойла не считал выдающимся писателем. Почему же снимал «Шерлока Холмса», спросите вы? Меня подтолкнула к этому советская действительность, хотелось ничего не видеть и не слышать, заняться чем-то азартным, не связанным с политикой, и ни от кого не зависеть. И мне это удалось. «Русские деньги» — это правда, которую мне очень хочется сказать нашему народу, чтобы предостеречь.

ЕКАТЕРИНА ЦЕЛКОВА

Масленников Игорь

05.04.06